УДК 81-26:82-9 Медиалингвистика. 2021. Том 8, № 3

Взаимодействие близкородственных языков в современной публицистике: возможности повышения экспрессивности

И. П. Зайцева

Витебский государственный университет им. П. М. Машерова,
Республика Беларусь, 210038, Витебск, Московский пр., 33

Для цитирования: Зайцева, И. П. (2021). Взаимодействие близкородственных языков в современной публицистике: возможности повышения экспрессивности. *Медиалингвистика, 8* (3), 248–260. https://doi.org/10.21638/spbu22.2021.304

На материале русскоязычных публицистических произведений одного из популярных украинских СМИ (еженедельник «2000») устанавливается и интерпретируется функциональная нагруженность такого приема, как введение в журналистский текст элементов языка, близкородственного языку публикации, в данном случае различного типа и характера украинизмов (отдельные слова, выражения, в том числе устойчивого характера, фрагменты чужой речи и т. д.). Проведенные наблюдения свидетельствуют, что в современной русскоязычной публицистике Украины включаемые в текст элементы близкородственного украинского языка в подавляющем большинстве случаев наделяются функциями негативной оценки изображаемого (которое практически всегда подается в сатирическом или сатирико-ироническом ключе), способствуя при этом более экспрессивной передаче авторского отношения к предмету изображения. Подобные функции украинизмов в публицистике, создаваемой в условиях существующего на Украине близкородственного двуязычия, обусловлены экстралингвистически, прежде всего недемократичной языковой политикой, проводимой государственной властью на протяжении нескольких десятилетий и нацеленной на постоянное сужение прав русскоязычного населения. Именно в результате этих действий у большинства рассмотренных текстовых элементов сформировались негативные коннотации, которые при введении в публицистический текст актуализируются и/или расширяются в результате помещения в контекст определенного характера. В такой ситуации отрицательное значение приобретают и широко известные украинизмы, которые всегда воспринимались в качестве маркеров национально-культурного украинского колорита (*вышиванка*, *рушник*, *глечик* и пр.) и крайне редко сопровождались неприятием или враждебностью. Проведенный анализ дает основания утверждать, что в условиях близкородственного билингвизма обращение журналистов к элементам контактирующих языков остается одним из значимых приемов повышения экспрессивности текста, конкретная нагруженность которого определяется как внеязыковыми факторами, так и особенностями индивидуально-стилистической манеры автора.

Ключевые слова: близкородственные языки, билингвизм сбалансированный, воздействующая функция, украинизмы.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

Постановка проблемы

Тема, которой посвящена статья, уже затрагивалась автором, в частности в публикации, которая вошла в сборник материалов по итогам III Международной научно-практической конференции «Язык, право и общество в координатах массмедиа», состоявшейся в сентябре 2019 г. [Зайцева 2020]. Внимание тогда было обращено на некоторые характерные особенности современных публицистических произведений, написанных на русском языке, но при этом созданных в социокультурном контексте, где взаимодействуют два близкородственных восточнославянских языка: русский и украинский. Именно с ориентацией на существующее в социуме двуязычие авторы-журналисты нередко включают в тексты на русском языке элементы украинского языка — различного характера украинизмы, исследование функциональной нагруженности которых, с нашей точки зрения, представляет для лингвиста несомненный интерес. В настоящей публикации уже имеющиеся результаты будут дополнены наблюдениями за корпусом публицистических произведений, помещенных на страницах одного из русскоязычных СМИ Украины в течение 2020 г., что позволит представить их более развернуто и системно.

Характеристика социокультурного контекста создания рассматриваемых медиатекстов

Двуязычие и полиязычие получают в современном мире все большее распространение, чему способствует целый ряд факторов: существенно активизировавшиеся национально-культурные контакты, среди которых одно из ведущих мест принадлежит межличностным (как результат, смешанные браки и т. д.); информатизация общества, в значительной степени стимулирующая разного рода взаимодействия, в том числе национально-языковые; языковая политика ряда государств с полиэтническим составов населения и т. д. При этом в мире немало стран, в образовании которых изначально участвовали представители не одного, а двух и более этносов, что закономерно обусловило взаимодействие принадлежащих этим этническим группам языков, не только постоянно сопровождавшее становление этих государств, но и ставшее одной из реалий их современного состояния.

К таким изначально полиэтническим государствам принадлежит и современная Украина, на территории которой, по разным данным, насчитывается от 110 до 123 национальностей, при этом государствообразующими этносами подавляющее большинство исследователей называют украинцев и русских (см., например: [Толочко 2020]).

Казалось бы, в государстве, где практически во всех сферах общественной жизни очевидно контактируют два близкородственных восточнославянских языка, украинский и русский, сформировались все условия для полноценного развития тех типов билингвизма, при котором оба языка свободно, безо всяких препятствий развиваются, взаимодействуют, дополняя и обогащая друг друга (безусловно, в сложившейся ситуации имеют место также процессы негативного свойства, которые обусловлены интерференцией двух языков, но при разумном подходе, в частности при адекватном преподавании этих языков в средней общеобразовательной и высшей школе, это негативное влияние можно минимизировать). Иначе

говоря, даже при минимальной поддержке на государственном уровне объективно сложившейся в стране языковой ситуации (или хотя бы при отсутствии действий по ее уничтожению и/или искажению) современная Украина вполне могла бы стать примером гармоничной билингвальной ситуации, в основе которой лежит равноправное использование носителями-билингвами обоих языков, т. е. билингвизма сбалансированного и симметричного.

Словарь социолингвистических терминов определяет сбалансированный билингвизм как ««вид индивидуального двуязычия, при котором субъект в одинаковой степени владеет двумя языками» [Словарь социолингвистических терминов 2006: 192]. Словарь терминов межкультурной коммуникации трактует данное понятие более развернуто: «Билингвизм сбалансированный — *balanced bilingualism* — двуязычие, при котором человек в равной мере владеет двумя языками, может употреблять их во всех сферах деятельности, при этом не происходит влияния одного языка на другой, т. е. ситуация характеризуется равными уровнями языковой компетенции билингва. Тж. амбилингвизм, эквилингвизм» [Словарь терминов межкультурной коммуникации: 44]. К этому понятию близки также разновидности билингвизма, определяемые как симметричный и координативный билингвизм: «Симметричный билингвизм. Вид двуязычия, при котором языки, используемые билингвами, являются функционально равноправными» [Жукова и др. 2006: 193]; «Билингвизм координативный — *co-ordinate / coordinative bilingualism*. Одинаково эффективное использование индивидом двух языковых систем, овладение которыми произошло в разных ситуациях. В отличие от смешанного билингвизма, при координативном билингвизме две языковые системы сосуществуют в сознании билингва параллельно, независимо друг от друга и не смешиваются в речевом общении» [Жукова и др.: 41].

Однако проводимая украинскими властями в течение почти тридцати последних лет культурно-языковая политика ориентирована отнюдь не на поддержку все еще существующего в стране реального украинско-русского двуязычия, при котором большинство граждан являются вполне состоятельными билингвами, не только свободно владеющими обоими языками, но и способными к творческому использованию этих языков в их взаимодействии (например, с помощью различных приемов языковой игры, основанной на сходстве звучания и при этом различии значений элементов двух языков, и т. д.). Принимаемые на уровне государственной украинской власти документы, относящиеся к сфере регулирования национально-языковой политики (достаточно вспомнить принятый Верховной Радой Украины в январе 2020 г. пресловутый закон «О полном общем среднем образовании», лишающий юных украинских граждан права на получение образования на всех языках, кроме украинского), решительно игнорируют действительное положение дел в культурно-языковой сфере страны, продолжая нарушать право человека на свободное пользование родным языком, закрепленное в Конституции Украины.

Анализ тематически актуальной русскоязычной публицистики Украины

В сложившейся ситуации существование в украинском медиапространстве изданий, приоритетным языком которых все еще остается русский (в большинстве своем эти немногочисленные издания являются двуязычными, русско-украински-

ми), можно считать едва ли не чудом. К числу таковых принадлежит и популярный еженедельник «2000», который, по выражению редакционной коллегии, «остается одним из немногих объективных украинских СМИ» (утверждение, с которым нельзя не согласиться).

Предмет нашего анализа составили публикации, появившиеся на страницах еженедельника «2000» в течение 2019–2020 гг., автором которых является херсонский журналист и блогер Виталий Бронштейн, в прошлом длительное время занимавший пост директора одной из херсонских школ. Это объясняет особое внимание автора к проблемам образовательной сферы Украины, хотя тематика его публикаций в целом значительно шире — В. Бронштейн очень оперативно откликается практически на все заметные события общественно-политической жизни Украины.

Так, в одной из своих публикаций в марте 2019 г. [Бронштейн 2019], журналист, «оттолкнувшись» от хорошо знакомой ему сферы образования (в начале статьи читаем: *Не поленился и сделал небольшую подборку анекдотов про образование и нынешние «образовательные» чудеса*), размышляет о назначениях в современной Украине на высокие государственные посты людей, профессионально очень далеких от вверяемых им сфер. Заголовочный комплекс этой публикации: ***Самостийная*** *власть кухарок. Почему на Украине флотом командует танкист, а Министерство иностранных дел возглавляет инженер-сварщик* (выделено мною. — *И. З.*), — и следующее сразу за ним авторское замечание (приведено выше) изначально настраивают читателя на сатирическую тональность. Основными приемами, с помощью которых автор достигает этого, являются, во-первых, намеренное подчеркивание нарушенных логико-семантических связей ключевых номинаций (***флотом*** *командует* ***танкист***); во-вторых, введение в название лексического элемента близкородственного украинского языка — слова *самостийный*, обладающего выраженной экспрессивной семантикой (сформированным в русском языке, в отличие от украинского, коннотативным планом). Этот коннотативный план наиболее подробно охарактеризован при описании данной лексемы в «Толковом словаре языка конца XX века. Языковые изменения» под редакцией Г. Н. Скляревской: «Самостийность… Обычно *Неодобр*. Государственная или политическая независимость, самостоятельность». В словаре слово снабжено пометой «возвращение в актив» и следующим комментарием: «Слово и его дериваты первоначально относились к Украине и обрели актуальность после распада СССР в конце 1991 года и провозглашения Украины и других бывших республик независимыми государствами» [Скляревская 1998: 559]. В толковом словаре современного украинского языка интересующее нас значение представлено как общеупотребительное, лишенное коннотативной семантики: «Самостійній… 1. Який не перебуває під чиєюсь владою; не підпорядкований, не підлеглий кому-, чому-небудь (про державні, політичні організації тощо)»[1] [Бусел 2005: 1291].

Подчеркиванию негативного коннотативного содержания *используемого* украинизма способствует интертекстуальный прием: помещение его в высказывание, аллюзивно отсылающего к известной фразе, приписываемой В. И. Ленину («Любая

[1] «…не пребывающей под чьей-нибудь властью; не подчиненный кому-нибудь, чему-нибудь (о государственных, политических организациях и т. д.)».

кухарка может управлять государством») и употребляемой обычно при указании на чей-либо непрофессионализм: ***Самостийная*** *власть кухарок*.

Отмеченный случай — употребление украинизма в заголовочном комплексе публицистического произведения — единичный в анализируемом материале, в данной позиции эффективность воздействия на читателя использованного иноязычного элемента, задающего определенную (сатирико-ироническую) тональность всему произведению, безусловно, усиливается.

Помимо введения украинизма в название публикации, автор использует украинизм (устойчивое выражение) и в самом тексте: *А кто входит в ближайшее окружение волонтерки Супрун, залетной руководительницы здравоохранения? Себе в заместители «доктор смерть» взяла Ольгу Стефанишину, тоже признанную, на нашу голову, активистку. Как говорится,* ***свій, до свого, по своє****. Эта барышня, вы не поверите! — не терапевт, не кардио- или нейрохирург, и даже не санитарка «звать Тамарка» — она магистр филологии!* (выделено мною. — *И. З.)* [Бронштейн 2019]. Украинскому читателю упоминаемое автором имя Ульяны Супрун, до недавнего времени министра здравоохранения страны, снискавшей себе недобрую славу многими непопулярными действиями, хорошо знакомо и воспринимается именно как символ непрофессионализма (в подтверждение этого автор приводит прозвище, которым Супрун наделили в народе: «доктор смерть»). Контекстуально этот символический смысл поддерживается, с одной стороны, употреблением еще одного реального имени (Ольга Стефанишина) с соответствующей характеристикой, а также устойчивым выражением украинского языка *свій, до свого, по своє*, имеющим весьма любопытную историю. Изначально этот лозунг принадлежал зародившемуся на Западной Украине в конце XIX в. движению против тогдашней польской оккупации Галичины, однако в дальнейшем его семантика претерпела изменения. В современном украинском языке это выражение используется при подчеркивании семейственности, свойства́, местечковости в органах государственной власти, которое нередко наблюдается в нынешнем украинском политикуме. Именно в этом значении, в полном соответствии с заложенной названием сатирической тональностью, его и употребляет автор.

О проблемах украинского образования В. Бронштейн размышляет и в интервью с Артемом Кияновским (публикация «Опаснее дураков только дураки с инициативой» от 28 апреля 2020 г.), представив своего собеседника как «директора авторского учебного заведения, известного за пределами не только Херсонщины, но и Украины», одного из немногих, где до недавнего времени (до запрещения в 2020 г. на законодательном уровне) преподавание велось на русском языке. Предлагаемый далее фрагмент, как представляется, убедительно свидетельствует, что введение в русскую речь украинских слов и выражений — прием, которым оба собеседника пользуются не только абсолютно свободно, но и очень умело:

А. К. Давайте посмотрим на трех последних министров образования: Лилию Гриневич, Анну Новосад и Любомиру Мандзюк…

В. Б. Кто их не знает… Первая прославилась созданием новой украинской школы, куда, как в бездну, канули огромные деньжищи (и наши, субвенционные, и грантовские), а новой школы так и не появилось.

Вторая, так сказать, правописательный уникум, повергла в шок наших ***мовознавцев****, допуская двадцать ошибок в десяти словах!* <…>

В. Б. В общем-то, эти правовые нормы принимал Парламент…

А. К. А кто готовил их, не ***министерки*** *и их подчиненные? Там столько всякой ерунды, что просто не верится, что нормальные люди могли такое придумать!*

В. Б. Например…

*А. К. По закону «Об образовании» школы наполнились «****здобувачами****», а не учениками или воспитанниками… Зато в Законе «О полном среднем образовании» уже есть и «****здобувачі****», и ученики. Ответьте с трех раз, чем одни отличаются от других*! (выделено мною. — *И. З.)* [Бронштейн 2020в].

Приведенный фрагмент, отличающийся явной сатирической тональностью, формируемой высказываниями обоих коммуникантов, содержит несколько украинизмов, переданных как средствами русского языка: ***мовознавцы*** («языковеды») и ***министерка*** («женщина-министр»), — так и языка украинского: ***здобувачі*** («соискатели»), что подчеркнуто заключением слова в кавычки. ***Мовознавець*** — «фахівець з мовознавства (науки про мову, її суспільні функції, загальні особливості, конкретні прояви її структури)»[2] [Бусел 2005: 682]. Относительно номинации ***министерка*** заметим, что, несмотря на ее активное внедрение (в том числе административными методами) в современную украинскую речь, прежде всего деловую и публицистическую, в одном из наиболее популярных и обширных толковых словарей современного украинского языка [Бусел 2005] она отсутствует.

Явная экспрессивность рассматриваемых элементов поддерживается в сатирическом по тональности произведении контекстуальным окружением: ***повергла в шок*** *наших* ***мовознавцев***; *школы* ***наполнились*** *«****здобувачами****», а не* ***учениками*** *или* ***воспитанниками*** и т. д. В целом же речь идет всё о том же непрофессионализме украинских чиновников от образования, которые, не владея достаточными знаниями и опытом, пытаются прикрыть свою некомпетентность крайне странными «новациями», чаще всего не только не помогающими, но и вредящими школе.

В публикации «Знаю, чем все закончится» от 9 июня 2020 г. речь также идет о непрофессионализме современных украинских чиновников. Из проблем образования затрагиваются те, которые касаются высшей школы, прежде всего коррупция в вузах. Автор довольно активно прибегает к приему включения в публицистический текст на русском языке украинизмов и в этом произведении:

Потому что кадровый голод — в украинском понимании этого явления! — вовсе не дефицит квалифицированных специалистов, а катастрофический избыток на властных постах людей бесчестных, неумных и просто малограмотного ***непотриба****, который в досуверенной Украине не мог рассчитывать на сколько-нибудь заметную должность. <…>*

Тогда кадров хватало, и даже был их избыток. Но лишь до тех пор, пока киевские кабинеты не заполонил ***западенский*** *десант из* ***рагулья*** *всех мастей и оттенков, любителей* ***рушников*** *и* ***глечиков****, притянутых в столицу главным ценителем* ***вышиванок*** *и* ***крашенок****, недотравленым* ***гетманом****,* ***чьи руки николы не кралы****. <…>*

Тем более ему, как никому другому, должно быть известно, что, сколько ни готовь специалистов, в стране всегда их будет не хватать, так как любовь наших

[2] «Языковед — специалист по языкознанию (науки о языке, его общественных функциях, общих особенностях, конкретных проявлениях его структуры)».

ВЫШей *к студенческим денежным вливаниям куда крепче и сильнее, чем тяга студиозусов к знаниям. <…>*

И последующий скандал с новым ректором этого ***выша*** *— Екатериной Амосовой, сами знаете кого дочкой, тоже болезненно неравнодушной к дармовой денежке и уволенной вослед предшественнику* [Бронштейн 2020б].

Ряд включенных в текст украинизмов содержат резко отрицательную оценку, свойственную им и в украинском языке, это прежде всего слово ***непотриб***, а также выражение *десант из* ***рагулья*** *всех мастей и оттенков*. «**Непотріб**… *перен.* Непотрібна людина»[3] [Бусел 2005: 774]. Абсолютного аналога данной номинации в русском языке не существует, она принадлежит к безэквивалентной украинской лексике. ***Рагульё*** *— собир.* от ***рагуль***; ***рагуль*** (вариант ***рогуль***) — в соответствии с «Коротким словником жаргонної лексики української мови» Л. А. Ставицкой, уничижительное, пренебрежительное и оскорбительное прозвище западных украинцев — приезжих из села, а также уничижительное обозначение некультурного, примитивного, тупого человека, которое используется на Западной Украине как ругательство безотносительно национальности [Ставицька 2003].

В рассматриваемом тексте содержится также крайне негативная характеристика одного из экс-президентов Украины Виктора Ющенко, легко узнаваемого читателем по выражениям ***недотравленый гетман*** (отсылка к якобы отравлению Ющенко в период предвыборной кампании 2004 г., которое так и не было подтверждено), а также по принадлежащей ему фразе ***ці руки нічого не крали*** («эти руки ничего не крали»), которая включена в текст в трансформированном виде (исходный вариант: *чиї руки николы не кралы*).

С сожалением приходится констатировать, что в орбиту украинизмов с однозначно негативными коннотациями (типа ***непотриб***) в данном случае втянуты слова, которые ранее воспринимались (как правило, позитивно) лишь как маркеры национального украинского (а иногда и в целом восточнославянского) колорита. ***Рушник***, ***глечик***, ***вышиванка***, ***крашенка*** в данном контексте также формируют негативные семантические приращения. В соответствии с Большим толковым словарем современного русского языка под редакцией С. А. Кузнецова, «**глечик**… *Нар.-разг.* Глиняный горшок для молока; кринка»; «**крашенка**… *Церк.* Крашеное пасхальное яйцо. *Христосоваться крашенками*»; «**рушник**… На Украине и в южных областях России: расшитое полотенце. *Вытереть лицо рушником. Иконы убраны рушниками*» [Кузнецов 2000: 1135, 467, 208]. Слово «вышиванка» обозначает сорочку с вышивками национально-фольклорной тематики — популярный предмет народной одежды на Украине, в Беларуси и в ряде южных российских районов.

Обращает на себя внимание еще один весьма колоритный украинизм, относящийся к безэквивалентной лексике, который использован автором статьи в двух вариантах написания: ***выш*** и ***ВЫШ.*** Таким образом журналистом средствами русского языка передано украинское ***виш*** — «вища школа, вищий навчальний заклад»[4] [Бусел 2005: 161]. Поскольку речь идет о коррумпированности украинской высшей школы, этот элемент приобретает в контексте явную негативную семантику, подчеркивающую авторское неприятие описываемой им ситуации: ***любовь наших***

[3] «Ненужный человек».

[4] «Высшая школа, высшее учебное заведение».

ВЫШей к *студенческим* ***денежным вливаниям*** *куда* ***крепче и сильнее****, чем тяга студиозусов к знаниям.*

Наиболее активно и последовательно В. Бронштейн обращается к приему введения украинизмов в статье «Горе… без ума»: *Некая «****Ольдзя****» разместила в «Фейсбуке» краткий пост, поразивший многих пользователей: «****Мій син (3 роки) не розуміє абсолютно російської — і це найкраще, що могло статись з моєю дитиною****». <…>*

*Наверное, это не самый большой секрет, что в последние годы, особенно в ходе проведения в жизнь идеологии «****армия — мова — вера****», раскалывавшей страну сразу по нескольким признакам, на ШГТ* [Школа гуманитарного труда в Херсоне. — *И. З.*] *оказывалось давление по переходу на украинский язык. <…>*

*Здравые голоса, что в русскоязычной области (хотят того или нет квазипатриоты!) имеет право оставаться русской хотя бы одна из пятисот действующих школ, галицийскими националистами, дорвавшимися до руководства отраслью, в расчет не принимаются, так как «****захист рідної мови****» существует для них только в виде «****утиску інших мов****».*

Когда Зеленский шел в президенты, он обещал, что порошенковский ***Закон про мову****, лишающий прав обучения на родном языке национальные меньшинства, будет пересмотрен. <…>*

— Може, десь у школах є зайві, пошкребем по засіках, *— обещают министерские деятели, — а* ***поки повчіться по російським посібникам, нічого страшного…*** *<…>*

В неуемном стремлении покончить с последней в регионе русскоязычной школой нерадивые ***керивныки****, заманывающие жителей Востока «****демократичними українськими цінностями****», готовы идти на репутационные потери: в области немало переселенцев с Крыма и восточных территорий, покинувших свои жилища в надежде на Большую Украину, где сыщется место для обучения их детей на родном языке. <…>*

Нетрудно представить, сколько русскоязычных школ осталось бы на Донеччине и Луганщине, приди туда ***национально-стурбовани идиоты****, не знающие границ в нацистском посыле «****Украина — для украинцев!****» — не это ли корень наших неуспехов в мирных переговорах?!*

*Похоже, дамочки-****министерки****, из грантовичек, тупо исполняющих любые распоряжения заокеанских хозяев, видят свою задачу не в поднятии уровня обучения школьников и создании нормальных условий для учителей, а в искоренении русского языка, ведь именно это является сегодня главным показателем профпригодности грантового отребья для руководства отраслью. <…>*

*Вернусь к «****Ольдзе****», полагающей, что лучшее, что могло случиться с ее трехлетним малышом — это абсолютное незнание русской речи. Так сказать, еще бы он оглох, чтобы не слышать «****руську мову****», или ослеп, чтоб ненароком что-то не прочитать, было б совсем хорошо…*

Понятно, ***що «цэ вэлыка пэрэмога!»*** *для ущербных* ***рогулих****, скакавших по Майдану с кастрюлей на голове и ненавидящих все русское намного больше, чем любят собственных деток* [Бронштейн 2020а].

Как можно убедиться по приведенным фрагментам, тематически публикация сходна с рассмотренными ранее: она посвящена все той же, весьма болезненной

как для автора, так и для значительной части украинского общества проблеме, — нарушение права личности обучаться в средней общеобразовательной школе на родном языке, которое приобрело в Украине тотальный характер. Резкая критика автором происходящего осуществляется при помощи системы композиционных и изобразительных приемов, среди которых введение в текст украинских слов и выражений, как в оригинальном написании, так в передаче средствами русского языка, занимает весьма существенное место.

В статью включен ряд выражений, настолько активно употребляющихся сегодня в современной украинской речи, что они воспринимаются уже как клишированные: ***захист рідної мови*** («защита родного языка»), ***утиск інших мов*** («притеснение других языков»), ***демократичні українські цінності*** («демократические украинские ценности»), ***цэ вэлыка пэрэмога!*** («это большая победа!») Все они заключены в кавычки, чем автор подчеркивает абсолютное несоответствие этих лозунгов тем действиям, которые в реальности предпринимаются нынешней украинской властью. Часть таких лозунгов, широко известных сегодня уже не только на Украине, дается автором в переводном варианте: «***Украина — для украинцев***!» (выражение, охарактеризованное автором как «нацистский посыл»); «***армия — мова — вера***» (предвыборный лозунг экс-президента Украины Петра Порошенко и его политической силы, расцениваемый автором как идеология, раскалывающая страну); (порошенковский) ***Закон про мову*** («Закон о языках») — с авторским определением *лишающий прав обучения на родном языке национальные меньшинства*.

Выраженной экспрессией обладают и другие употребленные журналистом украинизмы: это уже рассмотренные ранее номинация ***министерки и рогули*** (в данном контексте — ***рогулихи***, поскольку слово используется для собирательного обозначения женщин — матерей с определенными взглядами). Обе номинации помещены в контекст резко отрицательного характера, который дополнительно усиливает свойственную им негативную семантику: *дамочки-**министерки**, из грантовичек, тупо исполняющих любые распоряжения заокеанских хозяев*; *для ущербных **рогулих**, скакавших по Майдану с кастрюлей на голове и ненавидящих все русское*. Сюда же примыкают дважды употребленное в статье собственное имя ***Ольдзя*** (украиноязычное соответствие русскому личному имени *Оля*), которое в данном случае олицетворяет для автора ту часть украинцев, которые ненавидят все русское; выражение (*нерадивые*) ***керивныки*** («руководители»); а также окказиональное авторское выражение с компонентом-украинизмом *национально-**стурбовани** идиоты* («национально-озабоченные»).

Особого внимания заслуживают включенные в публицистический текст фрагменты чужой (прямой) речи, которая «эксплицирует такие свойства медиатекста, как вторичность, диалогичность, достоверность, аргументированность, социальная оценочность» [Редькина 2018: 173]. Один из них, принадлежащий упомянутой «Ольдзе», является опубликованным ею в «Фейсбуке» постом, который многих поразил своей русофобской тональностью: ***Мій син (3 роки) не розуміє абсолютно російської — і це найкраще, що могло статись з моєю дитиною*** («Мой сын (3 года) не понимает абсолютно русского языка — и это лучшее, что могло произойти с моим ребенком»). Второй фрагмент — высказывание из уст представителей министерства — свидетельствует об очевидной непродуманности провозглашаемых этими субъектами «новаций» для школ, которые ко всему прочему совсем

не обеспечены материально, в частности необходимыми учебниками на украинском языке: «***Може, десь у школах є зайві, пошкребем по засіках**, — обещают министерские деятели,* — а ***поки повчіться по російським посібникам, нічого страшного***…» («Может, где-то в школах есть лишние, поскребем по сусекам, а пока поучитесь по российским пособиям, ничего страшного»)

Проанализированные медиатексты позволяют, с нашей точки зрения, констатировать, что приемом введения в публицистическое произведение элементов близкородственного русскому языка — различного типа и характера украинизмов — автор пользуется грамотно и искусно: русскоязычный текст, несмотря на присутствие в нем немалого числа иноязычных вкраплений, в смысловом отношении не перегружен ими, восприятие содержания статьи не затруднено, что позволяет полноценно реализовать в журналистском тексте информативную функцию. Реализации же воздействующей функции системное обращение к означенному приему существенно способствует. Результатом такого обращения становится, с одной стороны, установление более тесного контакта с читателем, с которым автор оказывается в общем пространстве происходящих событий (прежде всего политических и социальных), с другой — более отчетливая образная конкретизация изображаемого, достигаемая различными способами контекстуального оформления употребленных украинизмов.

Заключение

С сожалением приходится констатировать, что в современной русскоязычной публицистике Украины такое образное средство, как украинизмы, обладающие выраженной экспрессией и явным лингвокультурным потенциалом, практически всегда используется в качестве элементов текста с отрицательной коннотативной семантикой, подчеркивающих негативные стороны общественной жизни, черты отдельной личности, которые сатирически изображаются автором-журналистом.

Между тем значительный культурно-образный потенциал украинизмов в условиях иного взаимодействия близкородственных языков (как минимум при отсутствии административного притеснения любого из них) может творчески осмысливаться авторами как публицистических, так и словесно-художественных произведений в куда более благоприятном ключе, придавая текстам, в которых они функционируют, очевидную индивидуальность и неповторимость. Ряд подобных примеров приведен в одной из наших публикаций [Зайцева 2018], где продемонстрировано, что свободное владение двумя близкородственными языками для личности творческой является безусловным благом, поскольку значительно расширяет ее возможности для передачи словесно-художественными средствами и способами особенностей мироощущения и мировосприятия.

Проведенный анализ публикаций, принадлежащих перу одного автора, позволяет сделать и некоторые выводы относительно индивидуально-журналистской манеры В. Бронштейна. С нашей точки зрения, она отличается явным своеобразием, которое создается в том числе включением в ткань публицистических произведений различных украинизмов. Этим приемом автор пользуется весьма искусно. Во всех проанализированных случаях обращение к нему видится нам уместным и оправданным функционально-стилистически: данный прием, помимо точной

характеристики описываемого события, лица, факта, позволяет существенно повысить экспрессивность текста, а также отчетливо передать собственное отношение автора к изображаемому, нередко формулируемое достаточно резко.

Прибегая к использованию украинизмов, В. Бронштейн проявляет себя, по нашему мнению, полноценным билингвом, наглядно демонстрируя, как могут быть расширены возможности пользования словом для автора-журналиста, создающего свои произведения в лингвокультурном контексте взаимодействия двух близкородственных языков, которыми свободно владеет бóльшая часть журналистской аудитории.

Литература

Бусел, В. Т. (Ред.). (2005). *Великий тлумачний словник української мови* (з дод. і допов.). Киев: Ирпень; ВТФ «Перун».

Жукова, И. Н., Лебедько, М. Г., Прошина, З. Г., Юзефович, Н. Г. (Ред.) (2013). *Словарь терминов межкультурной коммуникации*. Москва: Флинта; Наука.

Зайцева И. П. (2018). Взаимодействие восточнославянских культур в произведениях современных поэтов Луганщины. В *Русский язык в славянском мире: история и современность: сборник научных статей* (с. 100–113). Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госун-та.

Зайцева, И. П. (2020). Креативная функция русского языка в русскоязычных СМИ Украины. В *Язык, право и общество в координатах массмедиа*: *сборник материалов III Междунар. науч. конф. Москва, ИЗиСП, 25–26 сентября 2019 г.* (с. 152–156). Москва: ИЗиСП; Юриспруденция.

Кузнецов, С. А. (Ред.) (2000). *Большой толковый словарь современного русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт.

Редькина, Т. Ю. (2018). Чужая речь. В *Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник* (с. 173–176). Москва: Флинта.

Словарь социолингвистических терминов (2006). Москва: Институт языкознания РАН.

Скляревская, Г. Н. (Ред.) (1998). *Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения*. Санкт-Петербург: Фолио-Пресс.

Ставицька, Л. (2003). *Короткий словник жаргонної лексики української мови*. Киев: Критика.

Толочко, П. П. (2020). *От Руси до Украины*. Киев: Издательский дом Дмитрия Бураго.

Источники

Бронштейн, В. (2019) Самостийная власть кухарок. *2000. 11 марта 2019*. Электронный ресурс https://centrasia.org/newsA. php?st=1552301640.

Бронштейн, В. (2020а). Горе… без ума. *2000. 18 июня 2020*. Электронный ресурс https://www.2000.ua/blogi/blogi_blogi/gore----bez-uma.htm.

Бронштейн, В. (2020б). Знаю, чем все закончится. *2000. 09 июня 2020*. Электронный ресурс https://www.2000.ua/blogi/blogi_blogi/znaju-chem-vsjo--zakonchitsja.htm.

Бронштейн, В. (2020в) Опаснее дураков только дураки с инициативой. *2000. 28 апреля 2020*. Электронный ресурс https://www.2000.ua/blogi/blogi_blogi/opasnee-durakov-tolko-duraki-s-iniciativoj.htm.

Статья поступила в редакцию 18 ноября 2020 г.;
рекомендована в печать 19 апреля 2021 г.

Контактная информация:

Зайцева Ирина Павловна — д-р филол. наук, проф.; irinazaj91@mail.ru

The interaction of closely related languages in modern journalism: Opportunities for increasing expressiveness

I. P. Zaitseva

Vitebsk State University named after P. M. Masherov,
33, Moskovskii pr., Vitebsk, 210038, Republic of Belarus

For citation: Zaitseva, I. P. (2021). The interaction of closely related languages in modern journalism: Opportunities for increasing expressiveness. *Media Linguistics, 8* (3), 248–260.
https://doi.org/10.21638/spbu22.2021.304 (In Russian)

Based on the material of Russian-language journalistic works of one popular Ukrainian media source (*Weekly 2000*), the article establishes and interprets the functional load of such a technique as the introduction into media texts of elements of a language that is closely related to the language of publication: in this case, a different type and character of Ukrainianisms (words, expressions, fragments of someone else's speech, etc.). The conducted observations indicate that in modern Russian-language journalism of Ukraine, elements of a closely related Ukrainian language included in the text in the overwhelming majority of cases are endowed with the functions of a negative assessment of the depicted (which is almost always presented in a satirical or satirical-ironic key), while contributing to a more expressive transmission of the author's attitude to subject of the picture. Such functions of Ukrainianisms in Ukraine's journalism, created under the conditions of closely related bilingualism, are conditioned by extralinguistic factors — first of all, by the undemocratic language policy pursued by the state authorities for several decades. It is as a result of these actions that most of the considered text elements have formed the connotative content of a negative property, which, when introduced into a media text, is updated and / or expanded as a result of placing it in a context. In such a situation, well-known Ukrainianisms also acquire negative connotations, which have always been perceived as markers of the national-cultural Ukrainian flavor (*vyshyvanka*, *rushnik*, *glechik*, etc.), and this perception was extremely rarely negative. The analysis carried out provides grounds to assert that the appeal of journalists to the introduction of elements of contacting languages into media texts remains one of the most significant methods of increasing the expressiveness of a text, the specific load of which is determined both by extralinguistic factors and by the peculiarities of the author's individual manner.

Keywords: closely related languages, balanced bilingualism, influencing function, Ukrainianisms.

References

Busel, V. T. (Ed.). (2005). *Large explanatory dictionary of the Ukrainian language* (with additions). Kiev: Irpen Publ.; VTF «Perun» Publ. (In Ukrainian)

Dictionary of Sociolinguistic Terms (2006). Moscow: Institute of Linguistic RAS Publ. (In Russian)

Kuznetsov, S. A. (Ed.) (2000). *A large explanatory dictionary of the modern Russian language*. St. Petersburg: Norint Publ. (In Russian)

Lebed'ko, M. G., Proshina, Z. G. (Eds.) (2013). *Glossary of Intercultural Communication Terms*. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ. (In Russian)

Redkina, T. Iu. (2018). Someone else's speech. In L. R. Duskaeva (Ed.). *Medialingvistika v terminakh i poniatiiakh: slovar' spravochnik* (pp. 173–176). Moscow: Flinta Publ. (In Russian)

Skliarevskaia, G. N. (Ed.). (1998) *Explanatory dictionary of the Russian language at the end of the XX century. Language changes*. St. Petersburg: Folio-Press Publ. (In Russian)

Stavyts'ka, L. (2003). *A short dictionary of slang vocabulary of the Ukrainian language*. Kiev: Krytyka Publ. (In Ukrainian)

Tolochko, P. P. (2020). *From Rus to Ukraine*. Kiev: Izdatel'skii dom Dmitriia Burago Publ. (In Russian)

Zaitseva, I. P. (2018). Interaction of East Slavic cultures in the works of modern poets of the Luhansk region. In *Russkii iazyk v slavianskom mire: istoriia i sovremennost': sbornik nauchnykh statei.* (pp. 100–113). Nizhnii Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo univesiteta Publ. (In Russian)
Zaitseva, I. P. (2020) Creative function of the Russian language in the Russian-language media of Ukraine. In *Iazyk, pravo i obshchestvo v koordinatakh massmedia: sbornik matrialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, IZiSP, 25–26 sentiabria 2019 g.* (pp. 152–156). Moscow: IZiSP Publ.; ID Iurisprudentsiia Publ. (In Russian)

Received: November 18, 2020
Accepted: April 19, 2021

Author's information:

Irina P. Zaitseva — Dr. Sci. in Philology, Professor; irinazaj91@mail.ru